

ГАТЧИНА И ГАТЧИНЦЫ В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ (1914 – 1918)

Очерк тридцать первый

ГАТЧИНСКИЕ ОФИЦЕРЫ – ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

КАВАЛЕРИСТЫ (продолжение)

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ ТРУБЕЦКОЙ (1892 – 1937)

Герб князей Трубецких

профессора и первого выборного ректора Московского университета. Матерью Владимира была Прасковья Владимировна (1860 – 1914), урождённая княжна Оболенская.

Старший брат Владимира, Николай Сергеевич Трубецкой (1890 – 1938), стал известным филологом и философом-«евразийцем».

Владимир выбрал карьеру военного. Но произошло это не сразу. В детстве он проявил интерес к театру и музыке. А, окончив гимназию, поступил вдруг на физико-математическое отделение Московского университета. Менее чем через полгода Владимир неожиданно бросил Университет и устроился

Гатчинцы знают князя В.С. Трубецкого в основном как автора воспоминаний «Записки кирасира». Однако Владимир Сергеевич был ещё и храбрым офицером, музыкантом, писателем, обладал многими другими талантами. Кроме того, он оставил нам описание быта Гатчины начала 1910-х годов, рассказал о некоторых известных гатчинцах, в т. ч. о живших в нашем городе родственниках Трубецких. Жизнь В.С. Трубецкого и его семьи изобилвала таким количеством интереснейших событий, что заслуживает отдельной книги.

Владимир родился в семье князя Сергея Николаевича Трубецкого (1862 – 1905), философа и общественного деятеля,

юнгой на миноносец «Всадник», входивший в эскорт Императорской яхты «Штандарт». Следует заметить, что на этой яхте служили в разное время несколько гатчинских офицеров. Смотри, например, в моём цикле о Великой войне: двадцать второй очерк «Гатчинские бароны Таубе»; двадцать девятый очерк «Братья Апрелевы».

Хотя Владимир был увлечён морем, но с морской службой пришлось расстаться. Причиной была любовь к княжне Елизавете Владимировне Голицыной (1889 – 1943), дочери московского городского головы князя В.М. Голицына.

Владимир решил пойти в гвардейские офицеры. В 1911 году он поступил вольноопределяющимся в Кирасирский полк Гатчины. Выбрать полк оказалось непросто. Вот как об этом написано в «Записках кирасира»:

«Мать обратилась за советом к своему родственнику, дяде Коле Миллеру, старому холостяку и отставному военному, а также к дяде Мите Лопухину офицеру генерального штаба, командовавшему в то время Бугским уланским полком (впоследствии он принял Лейб-гвардии конногренадерский полк и, командуя этим полком, был убит в начале мировой войны). Оба дяди успокоили матушку, указав ей, что кроме кавалергардов есть вполне «приличные» гвардейские полки с прекрасными традициями. Некоторые из этих полков расквартированы в окрестностях столицы, как то: в Гатчине, Царском Селе и в Петергофе, где самый образ жизни, естественно, скромнее, нежели в столице. Дяди уверили матушку, что в любой из гвардейских полков она может смело меня отдать.

Но решающую роль в выборе полка сыграл бывший Гродненский и Тульский губернатор дядя Михаил Михайлович Осоргин, который как раз в этом году устраивал своего старшего сына Мишу для отбывания воинской повинности в Гатчинские Синие кирасиры. (Официально: Лейб-гвардии Кирасирский Ея Величества полк).

Сам дядюшка Михаил Михайлович в молодости был пажом, а затем кавалергардом и, если пристраивать теперь на один год своего Мишу в Синие кирасиры, то только лишь потому, что этим полком командовал его старинный приятель и однополчанин генерал Бернов. Бернов заверил Осоргина, что Мише в его полку будет хорошо – как у Христа за пазухой. Дядя Осоргин предложил моей матери отдать заодно и меня в этот полк. Теперь он писал из своего калужского имения, где безвыездно проживал со всей семьёй, что генерал Бернов – прекрасный человек и что благодаря моей молодости для меня будет очень хорошо жить вместе с его благонравным Мишей на одной квартире. Этому Мише было уже 27 лет. Бережливый, набожный и скромный во всех отношениях – он будет влиять на меня благотворно и удержит от всяких дурных соблазнов и легкомысленных поступков. Получив это письмо, мать вспомнила, что в Гатчине тихо доживал своей век её двоюродный дядя князь Денис Оболенский, скрывавшийся от света вследствие своего уродства. Князь

Владимир Трубецкой. Москва. 1904 год

был совершенно глух, совершенно слеп и к тому же горбат, что не мешало ему слыть за очень практичного, живого и энергичного человека. Мать тотчас же письмом запросила этого старика, что слышно в Гатчине о Синих кирасирах, и дядя Денис ответил, что, кроме хорошего, про полк ничего не слыхать. Дядя был бы рад видеть меня у себя в Гатчине».

Сделаю небольшое отступление. В книге «Мариинская (Киргетова) улица» я уже писал о Дионисии Михайловиче Оболенском (1844 – 1917), удивительном человеке, совершившем немало важных дел для России, в частности, создавшем русский вариант шрифта Брайля для слепых. Оболенский и его жена Амалия Густавовна в 1912 – 1915 годах жили на Мариинской улице в доме № 10. А в интернете есть мой очерк «Жизнь – подвиг. Князь Дионисий Михайлович Оболенский». Но только теперь, через несколько лет после написания этих работ, я узнал, что Дионисий Оболенский был двоюродным дядей матери гатчинского кирасира Владимира Трубецкого.

Вернёмся к воспоминаниям В.С. Трубецкого:

«Участь моя была решена. Я был доволен. У Синих кирасир была очень красивая форма. Но больше всего меня радовало то, что именно эти кирасиры слыли за замечательных кавалеристов-спортсменов, сплошь и рядом выходя победителями на *concours hippiques* (конных состязаниях) не только в Петербурге, но и за границей. Так, на международных состязаниях в Лондоне и в Вене ежегодно выигрывали первенство кирасирские офицеры фон Эксе и Плешков, - имена которых были известны чуть ли не во всей Европе всем интересовавшимся спортом в то время. В этом полку у меня был только один офицер, лично и хорошо мне знакомый, молодой корнет князь П. Урусов, очень весёлый малый, недавно выпущенный в полк из пажей. Он частенько наезжал в Москву, где тогда проживали его мать и сёстры Ара и Ира, бывшие приятельницы моей невесты.

Итак, освидетельствовавшись у военного врача и забрав все нужные документы в Университете, в один прекрасный день в мае 1911 года я и сей благонравный кузен Миша Осоргин выехали в Гатчину, дабы представиться кирасирам и их командиру генералу Бернову.

Гатчина мне сразу понравилась. Удивительно опрятный, с аккуратными, прекрасно вымощенными улочками, чистенькими домами, с образцово содержащимся огромным городским парком, в котором сверкали живописные озёра – город выглядел празднично и жизнерадостно, ничем не напоминая российскую провинцию. В то время это был типичный дворцовый городок, где проживало немало людей, так или иначе связанных с дворцом и двором. В Гатчине квартировала знаменитая и богатейшая императорская охота с весьма многочисленным штатом егерей, живших на Егерской слободе. Там же содержался изумительный зверинец, занимавший огромную площадь, где в полной свободе паслись и бродили благородные олени, дикие козы и разводились золотые фазаны. Там же содержались образцовые конюшни дворцового ведомства. Построенный императором Павлом великолепный дворец, утопавший в зелени на берегу прекрасного озера, невольно imponировал своими размерами, величием и мрачной элегантностью, придавая всему городу особый тон какой-то неуловимой парадной подтянутости и добропорядочности, что мне тогда особенно понравилось. В момент нашего приезда в Гатчину в Гатчинском дворце проживала состоявшая августейшим шефом Синих кирасир императрица Мария Фёдоровна. По случаю её пребывания в городе на улицах наблюдалось большое количество подтянутых полицейских, весьма приличного и достойного вида, и чинов специальной

дворцовой охраны с витыми зелеными жгутами вместо погон, которых в шутку называли «ботаниками». Простые извозчики, городовые, наконец, обыкновенные гатчинские обыватели, - все выглядели добропорядочными, приличными, достойными и немного праздничными.

Добропорядочный и приличный извозчик прямо с Варшавского вокзала подкатил нас к квартире командира Лейб-гвардии Кирасирского полка, который жил в уютном и стильном здании бывшего дворцового охотничьего замка».

Трубецкой и Осоргин были признаны годными для поступления в полк, им назначили срок прибытия на службу. Юноши отправились домой.

Из «Записок кирасира»:

«В начале октября (1911 года – В. К.) мы с двоюродным братом М. Осоргиным одновременно прибыли служить в Гатчину, где для нас была уже приготовлена квартира.

В первый же день мы отправились в полк и явились к нашему непосредственному начальнику, поручику Палицыну, занимавшему должность начальника полковой учебной команды, куда сразу попадали все вольноопределяющиеся. Палицын первым делом потребовал, чтобы мы тотчас же заказали себе на собственные средства полное обмундирование в полковой шивальне, и чтобы это обмундирование решительно ничем не отличалось от казённого солдатского. Сукно, пуговицы, даже подкладки – всё должно быть такое же, как у простых рядовых. В полк мы могли являться только одетыми по казённому. Лишь «для города» и вне службы разрешалось одеваться приличнее, опять-таки строго соблюдая установленную для полка форму. Впрочем, надо сознаться, что и казённое гвардейское обмундирование было очень и очень добротно, красиво и прилично. Нам полагались чёрные вицмундиры с золотыми пуговицами и к ним медные каски «с гренадой». Полагались и белые парадные мундиры, красиво обшитые на обшлагах, воротах и груди яркими желто-голубыми полосами. Такие мундиры назывались колетами. Они были без пуговиц и застёгивались на крючках, так как в конном строю поверх них надевались медные латы (так называемые «кирасы»). К этим мундирам полагались позолоченные каски, увенчанные на макушке большими золотыми двуглавыми орлами с распростёртыми крыльями. Сюда же полагались краги, то есть особые белые перчатки с огромными твёрдыми отворотами, чуть не до локтя, как у средневековых рыцарей. Полагались нам и желтые тужурки и простые защитные гимнастёрки. Все ремни амуниций белоснежные, как и во всей гвардии.

Молодцеватые ефрейторы сразу же принялись наставлять нас, кому и как отдавать честь. Мундиры сготовили нам быстро, и дня через четыре, облекшись в белые парадные колеты и напялив на голову тяжёлые медные каски с орлами, мы наняли полкового извозчика Аверьяна, знавшего адреса всех офицеров и покатали «являться» всем господам офицерам по принятому обычаю к каждому в отдельности.

Это была целая процедура, которая потребовала от нас нескольких предварительных репетиций. Репетировал нас бравый вахмистр учебной команды по фамилии Маляр.

Ведь мы были только солдатами – нижними чинами, и с момента как мы одели солдатскую форму, между нами и господами офицерами сразу же выросла огромная пропасть. Теперь с человеком, одетым в офицерскую форму, мы, одетые только по-солдатски, уже никогда не могли говорить просто и держать себя свободно, и это несмотря на то, что мы принадлежали к высшему дворянскому кругу.

Нужно было уметь, как доложить о себе офицеру, как предстать «перед его очи», как при этом придерживать палаш и каску, как смотреть в лицо начальству одновременно «почтительно и весело».

Смешон штатский человек, когда на него впервые натягивают блестящий военный мундир. Ведь настоящая военная выправка в старой армии давалась не скоро и всякий штатский, одевшись по-военному и желавший изобразить военную выправку, всегда был смешон и карикатурен. Мне все-таки было это легче, так как я имел уже в этом отношении некоторый опыт за время пребывания на военном корабле. Миша Осоргин такого опыта не имел и поэтому был очень смешон, тем более, что был несколько мешковат и неуклюж. Производя невероятный грохот строевыми сапожищами, шпорами и огромной металлической ножной палаша, непривычно болтавшейся с левого бока и задевавшей на ходу за что ни попадало, мы входили в квартиры офицеров «печатным» шагом, который плохо нам удавался. Представ перед начальством, мы корчили «почтительное, но весёлое лицо», вытягивались истуканами и громко галдели по очереди: «Ваше высокоблагородие, честь имею явиться по случаю поступления Лейб-гвардии в Кирасирский Ея Величества Государыни императрицы Марии Фёдоровны полк... Вольноопределяющийся такой-то!».

Это нужно было браво выпалить одним духом. Во время этой тирады офицер, невзирая на свой чин, тоже вытягивался и каменел, после чего подавал нам руку, и тогда мы снова оглашали его квартиру громким и радостным криком: «Здравия желаем, Ваше высокоблагородие!». Некоторые офицеры ограничивались этим и отпускали нас подобру-поздорову. Иные же, произнося традиционное «ради Бога, не беспокойтесь», усаживали нас и пытались завести приятный разговор, который с нашей стороны никак не клеился, потому что мы уже с азартом вошли в свою новую роль «солдат» и старались держать себя браво и дисциплинированно. К тому же, говорить просто мы уже не могли. Вместо «да» и «нет» обязаны были говорить «так точно» и «никак нет» и каждую нашу фразу должны были либо начать, либо закончить обычным обращением «Ваше высокоблагородие» или «Ваше сиятельство», если офицер был князем или графом. С непривычки всё это очень стесняло.

Особенно смущал нас бригадный, бывший командир Синих кирасир, блестящий генерал барон Жирар де Сукантон, состоявший в свите царя. К нему мы с треском впёрлись во время его чаепития в семейном кругу. К нашему конфузу генерал усадил нас за стол, а генеральская дочка и генеральша, очень светская и красивая дама, стали нас потчевать чаем. Как держать и вести себя в таких случаях воспитанному, но штатскому молодому человеку было нам хорошо известно и привычно. Однако солдатская форма и сознание, что ты всего навсего рядовой, путали и сбивали нас с панталыка в присутствии такого чина, как генерал, хорошенькая дочка которого поглядывала на нас с еле заметной насмешливой улыбкой (о бароне Жираре де Сукантоне написано в моих книгах, а также в моих статьях в интернете – В. К.).

Покончив с визитами и попав, наконец, вечером домой, мы много смеялись сами над собой, переживая впечатления дня.

Со следующего же дня началась наша настоящая служба. В сущности, она была очень тяжела!

Единственная привилегия вольнопёров заключалась в том, что им разрешалось жить не в казармах, а в собственной частной квартире.

Ранним утром, ещё при полной темноте мы с Мишей уже бежали через Гатчинский парк, называвшийся почему-то «Приорат», в полк. Надев в казарме желтые тужурки верблюжьего сукна с чёрным воротником, мы всей командой в строю шли в конюшню, где при ярком свете электричества производилась уборка, чистка коней и дача корма.

Пахнувшая цирком конюшня содержалась в образцовой чистоте, не хуже хорошего жилого помещения и своим блеском была замечательна.

В стойлах стояли строевые кони – огромные рыжие великаны красавцы – все высоких кровей. Это были лучшие лошади страны, строго фильтровавшиеся ремонтными комиссиями и отбиравшиеся в гвардию. Этим исполинов поставляли лучшие конные заводы в большинстве из Польского края (заводы Дрогойовского, Корибут-Дашкевича, Мангушко, Закржевского и других). Первая гвардейская дивизия – так называемая кирасирская дивизия, куда входил наш полк, считалась ещё по старинке тяжелой кавалерией (род оружия, теперь уже не существует). Поэтому она комплектовалась рослыми людьми и самыми высокими конями – настоящими чудовищами. Таких коней в наши дни почти не увидишь. Их тип исчез. За время империалистической войны и гражданской войны все они погибли либо от изнурения, либо на поле брани. Но что всего печальнее – у нас погибли и высококровные их производители и матки, которых, увы, не пощадили многократные мобилизации военного времени, подскребавшие начисто весь подходящий конский состав для нужд как белых, так и красных армий...

Ах, ... что это были за кони! Впрочем, не буду вдаваться в лирику и отклоняться от описания нашего будничного дня. Для нас он начинается с конского туалета, который совершался при помощи щёток и скребниц. Навести лоск на коня так, как это требовалось в полковой учебной команде, было не просто, и если по окончании туалета лошадь была чиста, но не идеально чиста, то за это попадало...

После уборки шли строем в казармы, где люди наскоро пили чай. Для нас, вольнопёров, сразу установилась привилегия, мы пили чай совместно с вахмистром, в его отдельной комнате, причем угощали Маляра вкусными бутербродами и анекдотами, до которых Маляр был охотник. В этой же комнатухе вахмистр поучал нас полковому уму-разуму. Он, конечно, был не дурак и дружил с нами.

После чая занимались в казармах прикладкой, изучали винтовку. Ефрейтор и виц-унтер-офицеры занимались с каждым солдатом в отдельности на приборах с наводкой. Занимались дельно и толково, индивидуальным методом, подготавливая хороших стрелков...».

Трубецкой и Осоргин поселились в Гатчине на Люцевской (Чкалова) улице. Жаль только, что пока не известно в каком именно доме. Обратимся вновь к «Запискам кирасира»:

«Наша общая квартира с М. Осоргиным помещалась в отдельном сером домике на Люцевской улице и состояла из четырёх небольших комнаток, обставленных, как говорится, просто, но мило, не помню уже теперь чьими стараниями. В так называемой столовой помещался уютный диван, круглый обеденный стол, а в углу красовались замечательные старинные клавикорды великолепного красного дерева, очень стильные, но какие-то простуженные и хриплые, что не мешало нам дубасить на них всякую всячину в свободную минутку. Эту штуку мы приобрели с Осоргиным на общий счет за бесценку у какого-то гатчинского старожилы. У каждого из нас была отдельная комнатка, обставленная согласно с вкусом каждого. Мой апартамент, конечно, изобиловал фотографиями невесты, как висевшими на стене, так и стоявшими в рамках на столе. У Мишеньки же на стене красовались иконы в количестве, более чем достаточном. Впервые в своей жизни я жил самостоятельно, что меня и забавляло, и радовало.

Мой кузен Мишанчик Осоргин привёз с собой из отцовского дома своего «человека», некоего Евмения. Это был лакей Осоргиных, прослуживший у них

в семье много лет, пожилой и весьма добродушный малый с типичными лакейскими баками на бледном лице. Евмений был очень предан молодому барину, но слегка подтрунивал над ним. Это был настоящий тип старого слуги из «хорошего дома», немного резонёр, немного философ. Евменчик сразу внес в нашу квартиру уют и домовитость, одновременно исполняя обязанности дядьки, повара, советчика и управляющего финансами.

Уклад Осоргинской семьи отличался исключительной патриархальностью, подчеркнутой нравственностью и набожностью. Глава семьи – дядя Миша, будучи человеком особо строгих житейских правил, воспитал своих сыновей в страхе Божиим и в духе, исключающем возможность с их стороны каких бы то ни было легкомысленных эксцессов или отклонений в сторону аморального».

В 1912 году Владимир Трубецкой был произведен в корнеты. Теперь он стал полноправным членом большой и дружной семьи офицеров Гатчинского Кирасирского полка, стал участником всех важных полковых событий, в т. ч. ежегодных летних маневров в окрестностях Красного Села.

Летние маневры Кирасирского полка. Крайний слева: Владимир Сергеевич Трубецкой. Красное село, 1912 год

В своих воспоминаниях Трубецкой писал, что в первые дни офицерской службы его тревожило, как будут складываться взаимоотношения с солдатами, вместе с которыми он проходил курс обучения в полковой учебной команде. Однако особых сложностей с этим, к счастью, не возникло.

В том же 1912 году Владимир Сергеевич Трубецкой женился на Елизавете Владимировне Голицыной. На снимках ниже: так они выглядели в то время.

Началась Великая война. Корнет Трубецкой 19 июля 1914 года вместе с полком отправился на фронт. Но в составе полка Владимир пробыл недолго: после 6 августа он выбыл в другую воинскую часть. Какую? Это мне пока не известно.

Зато известно, что Трубецкой 20 августа 1914 года отличился в первом большом сражении на русском участке фронта – при Гумбиннене. За храбрость, проявленную в этом бою, Владимир удостоился награждения орденом св.

Георгия.

Позднее Трубецкой был ранен. В 1915 году, после выздоровления, он начал служить в штабе Юго-Западного фронта у генерала Брусилова. Вскоре Трубецкой стал командиром первого в России отдельного автомобильного подразделения, автомобильной роты. В это время Владимиру доверили руководить спасением казны Румынии. Он успешно справился с этим заданием, причём сделал это едва ли не в тот момент, когда германские войска уже входили в Бухарест.

Революцию 1917 года Трубецкой не принял. Вскоре он стал членом одной из монархических организаций в Москве. Более того, в начале 1918 года Владимир принял активное участие в одной из первых попыток освобождения Императора. Попытка не удалась.

А в 1920 году Трубецкого призвали в Красную армию. Генерал Брусилов, служивший там и хорошо знавший Владимира, способствовал назначению его в штаб Южного фронта в Орёл. По дороге к месту службы Трубецкой заехал к семье, жившей в Богородицке. В семье Трубецких к этому времени было шестеро детей. Всего детей у Трубецких родилось семь, но старшая дочь, Татьяна, умерла в 1917 году в возрасте 4-х лет.

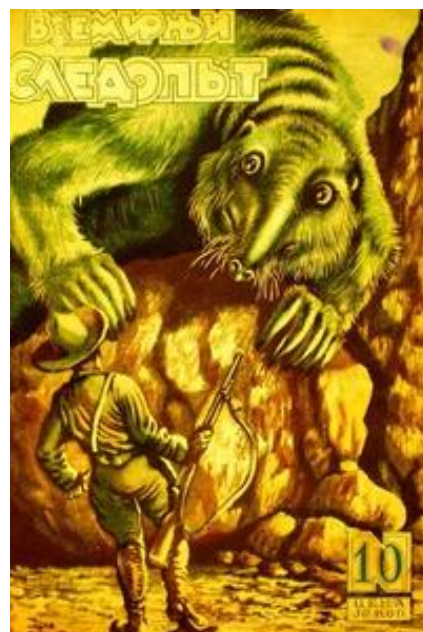
В Богородицке Трубецкого арестовали, как бывшего. Через две недели его освободили. В начале 1919 года Трубецкого вновь арестовали и отправили

в Тульскую тюрьму. В тюрьме у него открылся туберкулёз. Трубецкого освободили от заключения, а потом и демобилизовали из армии.

Очутившись на свободе, Трубецкой, чтобы прокормить семью брался за самые разные дела. Занялся охотой, благо навыки хорошего стрелка он приобрёл в Кирасирском полку. Используя опыт, полученный им во время своих детских увлечений театром, Владимир на местной сцене ставил собственноручно написанную пьесу по мотивам новеллы Бокаччио.

В 1923 году Трубецкие переехали в Сергиев Посад (с 1930 по 1991 год – Загорск). Здесь в 1926 году Трубецкой познакомился с уже известным писателем Михаилом Пришвиным, заядлым охотником. Узнав, что Владимир пробует себя в драматургии и литературе, Пришвин поощрил эти начинания. Пришвин также изобразил Трубецкого в своей «Журавлиной родине» под видом «музыканта Т.». Тут надо сказать, что Трубецкой действительно был хорошим музыкантом. Он играл на разных инструментах, а на виолончели – почти профессионально. Умение музицировать пригодилось Трубецкому и в этот раз: он работал тапером в кинотеатре, играл на виолончели в оркестре большого трактира.

В 1927 году состоялся литературный дебют Трубецкого: в 4-м номере журнала «Всемирный следопыт» вышел его рассказ «Драгоценная галка». В этом журнале, в котором художником работал шурин Трубецкого В.М. Голицын, Владимир опубликовал немало своих очерков, а также серию охотничьих юмористических рассказов под заголовком «Необычайные приключения Бочёнкина и Хвоща». Трубецкой печатался под псевдонимом Владимир Ветов. Псевдоним образован от имени его жены – ЕлизаВЕТА.

Журнал «Всемирный следопыт» был закрыт в 1932 году «за вредную приключенческую направленность». В 1935 году традиции замечательного журнала продолжил другой приключенческий журнал – «Уральский следопыт». В этом журнале были напечатаны два рассказа Трубецкого: «Ловушка с двойной репетицией» и «Аллигатор с реки Миссисипи». Но и «Уральский следопыт» вскоре закрыли (было выпущено 9 номеров). Только в 1958 году этот журнал возродился и существует до сих пор.

Трубецкого то и дело арестовывали, но вскоре выпускали. В 1929 году его приговорили к ссылке. Семья Трубецких поселилась в Дмитрове.

В 1930 – 1931 годах Трубецкому удалось побывать в заграничной командировке от журнала «Всемирный следопыт». Трубецкой воспользовался этим для того, чтобы отвезти во Францию на лечение сына Григория, страдавшего бронхиальной астмой. В Париже Владимир встретился со своим находящимся в эмиграции братом, Николаем Сергеевичем Трубецким.

В 1934 году Трубецкого и его дочь Варвару (1917 – 1937) арестовали по «делу славистов». Для Владимира Сергеевича это был восьмой арест! Трубецких приговорили к ссылке на пять лет. Всей семье пришлось уехать в Андижан, Узбекской ССР.

На новом месте надо было искать средства к существованию. Вот когда пригодилось умение Трубецкого играть на разных инструментах! Он стал музыкантом в балетной студии, подрабатывал тапером в кафе-ресторане. О своей жизни в Андижане Трубецкой отзывался так:

«Красота! Здесь приключенческий край, полный авантюристов в джекклондовском смысле. Инженеры, спустившиеся с Памира, врачи, заехавшие из пустыни, золотоискатели, пограничник со свежим шрамом или прокурор, выехавший расследовать преступление, - вся эта публика, попав в Андижан, устремляется в мой кабак, где старый следопыт Ветов расставляет сети и вылавливает свежие темы. Материалов горы... Но когда писать? Вечером – я до двух часов ночи играю в саду-ресторане, а утром до 12 – в узбекском гостеатре, где под извлекаемые мною звуки дуся-балерина, нарочито выписанная из Москвы, приобщает узбекских актёров к европейской культуре... Взял ещё сдельную на музыкальное оформление шиллеровского «Коварство и любовь», так что не имею на дню и 10 свободных минут».

Какими же многочисленными талантами обладал Владимир Трубецкой! Он в полной мере соответствовал тому свойству Трубецких, о котором всегда говорил его отец: у Трубецких есть некая «пружинчатость», заставляющая проявляться их талантам в самые трудные моменты жизни.

В Андижане шурин Трубецкого В.М. Голицын уговорил его начать писать воспоминания. К 1937-му году значительная часть воспоминаний была готова. Но закончить работу Трубецкому было не суждено: 29 июня 1937 года его и троих его старших детей арестовали. Во время обыска старшему сыну удалось незаметно засунуть несколько тетрадей отца в шаровары своего младшего брата. Так были спасены «Записки кирасира», правда, без начала и конца. Весь остальной архив Трубецкого был утрачен.

**Последняя тюремная фотография
В.С. Трубецкого.
Андижан. 1937 год**

30 октября 1937 года Владимир Сергеевич Трубецкой и его дочь Варвара были расстреляны. Десять лет провёл в концентрационном лагере его сын Григорий (1915 – 1975). В лагере умерла его дочь Александра (1919 – 1943). Вдову В.С. Трубецкого, Елизавету Владимировну, арестовали в 1942 году. Через год она умерла от сыпного тифа.

Так была репрессирована значительная часть семьи Трубецких.

В 1964 году В.С. Трубецкой был реабилитирован.

«Записки кирасира» впервые увидели свет в 1991 году в журнале «Наше наследие». В настоящее время они, а также другие произведения В.С. Трубецкого и его эпистолярное наследие, переиздаются; переводятся на иностранные языки.